

# «Намерение мое есть во Францию»

Сюда ожидают ваше величество яко мессию.

*К.Н. Зотов — Петру I из Парижа  
20/31 декабря 1716 года*

Его царское величество в Париж не будет.

*А.В. Макаров — К.Н. Зотову из Амстердама  
1/12 января 1717 года*

Приведенные в качестве эпиграфа строки из писем русского агента в Париже К.Н. Зотова и царского секретаря А.В. Макарова могут свидетельствовать о том, что за несколько месяцев до поездки во Францию в окружении царя не было уверенности, что этот визит состоится, и о том, что планы предстоящей поездки содержались в тайне. При этом оба утверждения оказались перечеркнутыми дальнейшими событиями: Пётр I все-таки посетил Францию во время второго заграничного путешествия 1716—1717 годов, но ожидали его там отнюдь не как Спасителя.

Целью большого царского «вояжа» в Европу было решение политических задач, направленных на скорейшее победоносное завершение войны со Швецией. Пётр надеялся также поправить пошатнувшееся здоровье на европейских водных курортах. Посещение Парижа не входило в первоначальные планы царя<sup>1</sup>. Как и когда у Петра I возникло намерение нанести визит правителю Франции? Каковы были причины такого решения?

Первая и главная причина вытекала из общих задач царского путешествия: дипломатические переговоры в Париже должны были облегчить России успешный выход из затянувшейся Северной вой-

---

<sup>1</sup> Брикнер А.Г. Франция и Россия при Петре Великом // ЖМНП. 1883. Июль—август. С. 161—162.

ны. К этому следует добавить стремление царя увидеть одну из могущественнейших монархий Европы, игравшую важную политическую роль на континенте, известную своими достижениями в науках и искусствах — стремление, которое подпитывалось неиссякаемой любознательностью царя, его желанием заимствовать полезные плоды европейской цивилизации.

В известной мере поездка царя в Париж была следствием взаимной заинтересованности сторон, причем со стороны России политический интерес дополнялся культурным. У русского царя, как уже отмечалось, в Париже появились собственные агенты (П.В. Постников, А.А. Матвеев, Г.И. Волков, Ж. Лефорт, К.Н. Зотов), которые влияли на формирование благоприятного отношения Петра к французской культуре. Некоторых французских дипломатов и государственных деятелей (Ж.Л. Боннак, маршал д'Эстре) привлекала идея сближения с Россией, которая становилась сильнейшей державой Севера. В январе 1715 года в Петербурге открылось французское консульство во главе с Анри де Лави (Henri de Lavie).

Известно утверждение герцога Сен-Симона, что Пётр I желал приехать во Францию в последние годы жизни Людовика XIV, но король «весьма учтиво отклонил этот визит»<sup>2</sup>. Это сообщение не подтверждается другими источниками и едва ли соответствует реальности<sup>3</sup>.

Политическая ситуация, сложившаяся в Европе в 1716—1717 годах, подтолкнула Россию и Францию к диалогу. 1 сентября 1715 года умер король Людовик XIV. До русского царя стали доходить известия, что регент Франции Филипп Орлеанский «расположен войти с ним в связи и принять всякие меры, которые могли бы установить доброе согласие и взаимные торговые сношения подданных»<sup>4</sup>. Ж. Лефорт, получивший от Петра I официальный статус агента при французском дворе, писал царю в марте 1716 года, что на данной ему аудиенции регент «говорил, сожалея, что не обретаецца с вашим величеством в вящей корреспонденции и союзе, как он того уже давно желает»<sup>5</sup>. Вскоре Пётр I оказался в довольно слож-

---

<sup>2</sup> Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. Кн. 2. М., 1991. С. 349.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697—1698. СПб., 2008. С. 145—147, 557—558.

<sup>4</sup> Инструкции и предписания французского правительства посланникам и дипломатическим агентам, находящимся при русском дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1881. Т. 34. С. 500.

<sup>5</sup> РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 27. Л. 852 об.; в другом письме Лефорт писал, что «первый министр чужестранных дел» герцог д'Юксель «приказал мне вашему величеству донести, что король не оставит тесной союз

ном положении, грозившем дипломатической изоляцией России. Сорвался планировавшийся на лето 1716 года десант союзников (России, Дании, Великобритании и Голландии) в Швецию для нанесения окончательного удара по общему противнику. Члены Северного союза (Польша, Дания, Великобритания) стали серьезно опасаться роста влияния России на Балтике. Брак герцога Мекленбургского с племянницей царя и ввод русских войск в Мекленбург вызвал резкое недовольство Вены и Лондона и общую обеспокоенность европейских держав. На глазах портились отношения царя с английским королём Георгом I, который одновременно был курфюрстом Ганновера. В то же время вчерашние враги Франции — Англия и Голландия — стали её ближайшими союзниками, но ухудшились отношения Франции с Испанией. В Швеции возник проект сепаратных переговоров с бывшими противниками (так называемый план Гёрца, с которым были ознакомлены французские дипломаты). Лишь противостояние между Францией и Священной Римской империей германской нации оставалось постоянным фактом европейской политики. В этой ситуации ломки старых союзов (вызванной ещё итогами долгой и кровавой войны за испанское наследство 1701–1714 годов) французская дипломатия решила осуществить задуманный ранее дипломатами Людовика XIV план привлечения России на свою сторону, но при сохранении военного могущества Швеции как важного противовеса Империи. Речь шла о возможном заключении франко-пруско-русского союза и дальнейшем посредничестве Франции в русско-шведских переговорах. Через прусских дипломатов представителям России внушили идею о пользе соглашения с Францией для заключения будущего мира. В Париже боялись, что Вена выступит единственным посредником в переговорах о мире со Швецией, что и заставило французскую дипломатию пойти на контакты с Россией.

12–17 ноября 1716 года<sup>6</sup> Пётр I встречался с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I (уже состоявшим в тайном союзе с регентом по договору 17 сентября 1716 года) в Гавельсберге (Хафельберге), где зашла речь о возможности русско-пруско-французского союза. Вскоре царю через прусских дипломатов сообщили о желании регента вступить в переговоры. Пётр поручил своим дипломатам (Г.И. Головкину, П.П. Шафирову и Б.И. Куракину) начать диалог с послом Франции в Голландии маркизом Пьером

---

и совершенную корреспонденцию с вашим величеством исходотайтствовать». — РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого), отд. II. № 27. Л. 863.

<sup>6</sup> Здесь и далее даты указываются по новому стилю, принятому тогда в Европе, кроме особо оговоренных случаев.

Антуаном де Шатонёфом (Pierre Antoine de Castagnère, marquis de Châteauneuf, 1644—1728), который незадолго до этого вместе с аббатом Дюбуа заключил здесь так называемый тройственный союз Франции, Англии и Голландии. В условиях дипломатического охлаждения между Россией, Англией и Голландией новые переговоры велись в строжайшей тайне.

На первых порах речь как будто шла лишь о заключении торгового договора. Как следует из письма-инструкции, отправленной Шатонёфу 5 января 1717 года<sup>7</sup>, французский двор не забывал о своих обязательствах перед Швецией и очень опасался недовольства своих новых союзников — Англии и Голландии. Поэтому Шатонёфу предписывалась величайшая сдержанность в общении с русскими дипломатами. Вместе с тем заявлялась готовность Франции выступить в качестве посредника в переговорах о мире со Швецией. Для Франции было также важно, чтобы Россия признала условия Утрехтского, Раштаттского и Баденского договоров, которыми закончилась Война за испанское наследство. Инструкция рекомендовала Шатонёфу не торопиться, обговаривая условия торгового договора, и стараться умерить политические амбиции царя. В качестве наиболее подходящего лица для переговоров среди русских назывался князь Б.И. Куракин (канцлер Г.И. Головкин был известен своими симпатиями к Венскому двору). В инструкции отмечалось, что если переговоры не завершатся до отъезда царя из Голландии, их там можно продолжить с тем же князем Куракиным. Как видно, французский двор тогда не рассматривал возможности приезда Петра I во Францию.

Следующая инструкция президента Совета по иностранным делам (то есть министра иностранных дел) маршала Николя дю Бле, маркиза д'Юкселля (Nicolas du Blé, marquis d'Huxelles, 1652—1730) от 13 января 1717 года<sup>8</sup> очень ясно характеризовала дипломатические предпочтения французской стороны: отношения со старыми «партнерами» — Англией, Голландией, Швецией и Пруссией — оставались для Франции естественным и вполне объяснимым приоритетом, однако существенным моментом становится включение России в круг дипломатических интересов и забот Франции. Маршал вновь советовал Шатонёфу действовать медленно, основываясь на имеющихся соглашениях и договорах, ждать указаний из Парижа.

---

<sup>7</sup> Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 8: Russie / publ. <...> avec une introd. et des notes par A. Rambaud. Paris, 1890. P. 138—146.

<sup>8</sup> Ibid. P. 146—147.

Переговоры, инициированные регентом и маршалом д'Юкселлем, нашли горячего противника в лице аббата Дюбуа, который опасался за судьбу франко-английского союза. Его приверженность Англии простиралась до такой степени, что д'Юкселлю пришлось указать ему на «нестабильность английской нации» и на опасность «доверяться ей в качестве единственной опоры в ущерб дружественным отношениям с другими державами Империи и Севера»<sup>9</sup>. Имелись в виду Пруссия и Россия.

Между тем царь прибыл в Гаагу 19 марта 1717 года и, расположившись в резиденции Куракина, мог лично приступить к налаживанию русско-французского политического диалога.

Гаагские переговоры, конечно, протекали непросто. Вопрос о торговом соглашении отошел на второй план, ибо именно политические вопросы вызывали разногласия. Царь не отказывался от посредничества Франции в заключении будущего мира и готов был к союзу с французским королём. Французская сторона допускала заключение альянса с царём при участии Пруссии, но отказывалась гарантировать сохранение за Россией всех её завоеваний в Прибалтике. Переговоры затягивались, нетерпение царя возрастало. Наконец, прусскому представителю барону Ф.Э. Книппгаузену, развернувшему здесь бурную деятельность, удалось уговорить русских дипломатов снять наиболее спорные требования. Русская сторона предложила более умеренные условия будущего оборонительного союза. Речь шла о том, что царь гарантирует Утрехтский, Раштаттский и Баденский договоры, не требуя никакой гарантии ни в отношении своего государства, ни в отношении своих завоеваний, признавая, что нельзя требовать гарантий своих завоеваний до того времени, когда они ему будут уступлены; во-вторых, король не будет выдавать никаких субсидий шведскому королю, пока длится война между этим монархом и царем; в-третьих, французская сторона окажет содействие в достижении мира на Севере без пристрастия к шведскому королю; наконец, царю будут выдаваться субсидии в 25 тысяч экю в месяц до окончания Северной войны<sup>10</sup>.

Эти условия показали французскому представителю приемлемыми и были отправлены в Париж. Вслед за этим, не дожидаясь ответа регента, сам Пётр I решил направиться во французскую столицу, чтобы быстрее привести переговоры к завершению. Возможно, отправляясь в Париж, царь хотел избавиться от прусских «переводчиков и маклеров» и действовать самостоятельно<sup>11</sup>. Конечно, это решение об-

---

<sup>9</sup> Ibid. P. 151.

<sup>10</sup> Ibid. P. 177.

<sup>11</sup> *Wittram R.* Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 312.

думывалось царем заранее. Так, уже 26 февраля он писал Савве Рагузинскому: «Я чаю, что буду во Франции, того ради приезжай туды», но при этом высказывал опасение — «буде же за слабостию своего здоровья или за чем иным во Франции не буду<...>»<sup>12</sup>. Вопрос о визите царя во Францию обсуждался русскими дипломатами. Известно, что П.П. Шафиров был против этой поездки. Вице-канцлер полагал, что «король не вступит с царем в союз. И что, однако, все будут думать, что царь поехал во Францию для заключения союза с королём. И что это умалило бы достоинство царя <...>»<sup>13</sup>.

Приняв положительное решение и передав его через Куракина французам, Пётр держал его в тайне. Шафиров узнал о нём лишь 13 апреля из письма царя, который предлагал ему прибыть во «Флендрию», «ибо чаю и праздник (Пасхи) тут взять; намерение моё есть во Францию»<sup>14</sup>.

Французским дипломатам решение царя было сообщено 29 марта. На следующий день маркиз Шатонёф писал своему шефу в Париж: «Царь сегодня уезжает в Зеландию, а оттуда в Остенде, Ньюпорт, Дюнкерк, Мардик и Кале, откуда он предпримет поездку в Париж, чтобы там повидаться с королем и его королевским высочеством (герцогом Орлеанским. — С.М.). Князь Куракин сообщил мне об этом вчера по приказанию царя; он добавил, что царь держит свое путешествие в большой тайне, и он хотел бы, чтобы об этом не говорили во Франции до его приезда»<sup>15</sup>. Таким образом, решение о поездке было принято единолично царём и не могло не вызвать некоторого удивления у французских властей, хотя они и знали, что от русского монарха можно ожидать сюрпризов: «царь любит обходные пути».

Несмотря на атмосферу строжайшей тайны, в которой происходили русско-французские дипломатические контакты, слухи о предстоящем посещении царем Франции циркулировали и в Голландии, и в Париже. Неугомонный К. Зотов, стремившийся в меру своих скромных возможностей укреплять связи между двумя странами, писал царю 8 апреля: вернувшись из портового Бреста в Париж, «слышу от всех, что ваше величество изволит посетить сию столицу»<sup>16</sup>. Голландская газета «Amsterdamse Courant» 22 апреля поместила сообщение из

<sup>12</sup> Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 84. Л. 141.

<sup>13</sup> Цит. по: Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716—1717) / пер. с нидерл. В.К. Ронина. СПб., 2013. С. 98.

<sup>14</sup> Архив СПб ИИ РАН. Ф. 270. № 85. Л. 324.

<sup>15</sup> Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717). Documents inédits tirés des Archives étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. Т. 5. Р. 120.

<sup>16</sup> РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 32. Л. 507.

Парижа о том, что там пребывают в сомнениях, придет ли высокий гость в этот город, «ибо получено было известие, что его любопытство обычно ограничивается осмотром морских портов и потому он через Дюнкерк и Мардик проследует в Кале и что он еще не принял твердого решения, придет он сюда или нет»<sup>17</sup>.

Пробыв недолго в голландской провинции Зеландии, царь направился в Австрийские Нидерланды (современная Бельгия). Посещение этой страны, как отмечает современный исследователь, было делом скорее случайным: через эти земли вёл путь из Голландии во Францию<sup>18</sup>. В начале апреля голландская газета «Amsterdam», сообщая о намерении Петра I совершить поездку в Южные Нидерланды (в Антверпен и Брюссель), указывала, что царь затем планирует вернуться в Амстердам<sup>19</sup>. Не желая вызывать подозрений у имперских властей, Пётр не раскрывал гостеприимным хозяевам дальнейших планов. Он дал понять многочисленным наблюдателям, что мысль о поездке во Францию пришла ему в самый последний момент. Царице же он писал из Антверпена 13 апреля: «И понеже во Фландрии еще много городов, которые смотреть надлежит, того ради не чаю к празднику (Пасхи. — С.М.) до того места (до Парижа. — С.М.) доехать, о чем ты ведаешь»<sup>20</sup>.

Таким образом, отозвавшись на предложение французской дипломатии вступить в переговоры, Пётр I принял самостоятельное решение о поездке в Париж, где надеялся удовлетворить и свои политические цели, и свою природную любознательность. Историки традиционно называют еще одну особенную причину, побудившую Петра установить личные отношения с французским двором. В письме от 17 декабря 1716 года К. Зотов сообщал царю, что на «искусный» вопрос, «не будет ли должно угодно двору французскому если б царское величество похотел государя царевича женить на принцессе французской, а именно на дочери дука Дорлеана для лутчей алианции крови и интереса?» — маршал д'Эстре якобы отвечал, «что он вельми рад слушать такую добрую мысль и сказал, что его де царскому величеству ни в чем здесь не откажут, и дюк Дорлеан с радостию на сие будет имети соизволение». В дальнейшем якобы выяснился и ответ регента герцога Орлеанского: «Я де бы рад был, что сие сего дня учинилось»<sup>21</sup>. Однако в то самое время, когда

<sup>17</sup> Цит. по: Вагеманс Э. Царь в республике. С. 98.

<sup>18</sup> Вагеманс Э. Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 21.

<sup>19</sup> Amsterdam. 1717. № XXIX, 9 avril.

<sup>20</sup> Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. С. 61–62.

<sup>21</sup> РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Кн. 27. Л. 119 об.—120.

Зотов хлопотал о вторичной женитьбе овдовевшего царевича, а сам царь вел переговоры с французскими дипломатами в Гааге, выяснилось, что царевич Алексей скрылся от отца и попросил убежища у венского двора. Тем не менее, мысль о возможности брака царевны Елизаветы с юным французским королем Людовиком XV, по мнению С.М. Соловьева, глубоко запала в душу Петра и не покидала его до конца жизни<sup>22</sup>.

Уверение, что французское правительство царю «ни в чем не откажет», было лишь проявлением французской дипломатической вежливости и не выражало подлинного отношения правящих кругов к русскому гостю. Со своей стороны регент Франции «не выказывал большого энтузиазма в отношении визита царя, который ему очень досаждал»<sup>23</sup>. Конечно, царя не ждали в Париже «как мессию», но этот визит обещал вызвать необычайный общественный интерес. Обе страны стремились с помощью будущего союза решить свои политические проблемы, которые пока еще имели мало точек соприкосновения. Поэтому неверным представляется мнение Н.Н. Молчанова о том, что регент «настойчиво *напрашивался* в союзники»<sup>24</sup>. Кажется, не вполне права была и С.А. Фейгина (автор лучшей книги о внешней политике России в конце Северной войны), полагавшая, что «Петру *пришлось* нанести визит версальскому двору»<sup>25</sup>. Предстоявшая поездка Петра I во Францию отнюдь не была вынужденной или навязанной. Она родилась из совокупности целого ряда разнообразных обстоятельств и отражала вполне искреннее, хотя и несколько утопичное желание царя наладить дружественные политические и культурные отношения с одной из могущественных держав Европы.

---

<sup>22</sup> Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. Кн. IX: История России с древнейших времен. М., 1993. С. 65; Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 13: Трактаты с Францией. 1717–1807. СПб., 1902. С. 5.

<sup>23</sup> Guichen E. de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682 à 1717). Paris, 1908. P. 161.

<sup>24</sup> Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984. С. 337.

<sup>25</sup> Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 145.